

И. Е. Суриков

СВИДЕТЕЛЬСТВА О ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ В НЕКОТОРЫХ ВАЖНЫХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ НАДПИСЯХ КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

В статье указывается на то значение, которое имеют для изучения дипломатических практик так называемые «греческие исторические надписи». Приводится ряд характерных примеров из эпиграфических памятников V в. до н.э., в основном афинских. Это как договоры, так и декреты афинского народного собрания, и в них содержатся важные свидетельства о дипломатии классической эпохи.

Ключевые слова: Древняя Греция, классическая эпоха, Афины, Афинская архэ, дипломатические практики, надписи, договоры, декреты, клятвы

И поныне нельзя назвать однозначно решенным вопрос о том, является ли «колыбелью» европейских дипломатических практик древнегреческая цивилизация или же римская. Ясно, что и мы в рамках небольшой статьи, посвященной куда более конкретному кругу сюжетов, не дадим исчерпывающего ответа на столь глобальный вопрос. Однако с самого начала представляется необходимым обозначить нашу принципиальную позицию в связи с ним.

Чаше эту роль, конечно, отводят римлянам, видя основу всего западного международного права в римском *ius gentium*. Подобная точка зрения имеет свои резоны. В римском обществе все и в целом было как-то более институционализировано, нежели в мире эллинических полисов (о причинах подобной ситуации здесь рассуждать не место), что отразилось и в создании в Риме блистательной системы права, оказывающей колоссальное влияние на человечество вплоть до наших дней; греки ничего подобного не создали. Сказанное относится и к той сфере права, которое регулировало межгосударственные отношения; здесь между греческими и римскими реалиями также наблюдаются существеннейшие расхождения (см. сравнительный анализ: Bolmarcich 2015; Champion 2015).

Все это так. Однако же справедливо в последнее время обращается внимание на то, что на саму римскую систему *ius gentium* повлияли древнегреческие нормы (см., например: Кофанов 2009). Речь идет прежде всего о нормах эллинистического времени — именно тогда резко интенсифицировались контакты римлян с эллинскими государствами. Отметим, в частности, что римское морское право, в сущности, зиждилось на таком замечательном юридическом памятнике, как Родосский морской закон (Ashburner 1909), разрабатывавшийся на славном своим мореплаванием греческом острове Родос уже с начала эпохи эллинизма, если не раньше. Приведем и другой пример. Относительно недавно стал известен ценнейший историко-юридический документ — Таможенный закон провинции Азия (Суриков 2015а), наглядно демонстрирующий, как «работало» римское право в восточных, грекоязычных регионах империи. Закон был написан в I в. н.э. (при Нероне) римскими властями и на латинском языке (затем переведен с него на древнегреческий), но включил в себя древнейшие узаконения, восходящие к самым ранним годам существования провинции Азия, а в каких-то своих элементах — даже к еще более раннему периоду, когда на ее месте находилось Пергамское царство Атталидов (до 133 г. до н.э.).

Римляне, собственно, никогда не скрывали и не замалчивали своего долга перед греками в правовой сфере (соответствующие пассажи легко найти и у Цицерона, и у Плиния Младшего, и у многих других авторов). Подчеркнем еще, что к эллинистическому времени греческое право имело уже достаточно почтенную историю (лучший труд о его первых шагах: Gagarin 1986). В сфере дипломатических практик весьма рано родились такие институты¹, как ксения и проксения, обмен посольствами, межгосударственные договоры, союзы государств (амфикионии, симмахии, эпимахии, κοινά и др.), симполития, исополития, эпигамия — этот перечень можно было бы еще долго продолжать. В дальнейшем для них не удержались греческие термины, уступив место в основном латинским по этимологии; тем не менее роль греков в формировании подобных институтов нельзя сбрасывать со счетов.

В данной статье материал привлекается как раз из доэллинистического времени. В основном будем придерживаться хронологических рамок классической эпохи. Кстати, специфической чертой

---

¹ О некоторых из них см.: Chaniotis 2004.

одной части данного временного отрезка, а именно V в. до н.э., является существование такого мощнейшего межполисного объединения, как Делосский союз, или Афинская архэ. С входивших в него городов афиняне ежегодно взимали форос, в связи с чем разрослась сеть финансовых учреждений (о разных аспектах этой темы см.: Figueira 1998; Samons 2000; Cohen 2000). Притом Архэ все-таки не переросла в единое государство, так что отношения между Афинами и союзниками следует трактовать не как внутриполитические, а как внешнеполитические, дипломатические (хотя и неравноправные, с диктатом одной стороны²).

Бесценным кладезем данных для интересующих нас периодов остается фундаментальный компендиум Г. Бенгтсона (Bengtson 1975). В нем собраны свидетельства из разных источников, в том числе письменных (всем известно, что тексты многих межгосударственных договоров приводятся древнегреческими историками, для классической эпохи — особенно часто Фукидидом), но нас ограниченный лимит объема побуждает обратиться только к эпиграфическим памятникам (и то, понятно, не ко всем, а к избранным, наиболее показательным).

Хорошо известны два важнейших достоинства этих последних. Во-первых, надписи — источники, как правило, современные тем реалиям, которые в них отражены. Соответственно, в них в норме не должно быть искажений фактов, порожденных большой временной дистанцией и забвением деталей (хотя, само собой, могут встречаться искажения, порожденные сознательной тенденциозностью). Во-вторых, их корпус продолжает постоянно пополняться, в то время как корпус античных нарративных текстов почти закрыт. Почти — потому, что иногда случаются пополнения и в нем (за счет новых папирусных находок), но настолько редко, что каждое значимое из них становится событием в науке³, в то время как для эпиграфики это повседневность и рутина.

Какие же конкретно памятники представляются интересными в нашем контексте? Давно получило право на существование выражение «греческие исторические надписи». Оно фигурировало уже в заголовке издания, предпринятого еще в 1940-х гг. М. Тодом (Tod 1946–1948). Издание это, образцовое на момент своего выхода, все

---

² Ср. определение политики Афин в это время как «государственного рэкета» (Russell 2017. P. 68–69).

³ Как открытие «Афинской политики» Аристотеля или — ближе к нашему времени — больших фрагментов поэмы Симонида Кеосского о Платейской битве.

же, разумеется, со временем стало нуждаться в обновлении. Для первого тома Тода такое обновление было осуществлено уже в 1960-х гг. Р. Мейггсом и Д. Льюисом (ныне обычно пользуются дополненным переизданием: Meiggs, Lewis 1989), а относительно недавно мы дождались того, что аналогичная работа была проделана и применительно к его второму тому (Rhodes, Osborne 2007).

Термин «исторические надписи» не означает, что таковые содержат прямой исторический нарратив или, скажем, дают информацию об историках⁴. Дело в другом: это те надписи, которые наиболее важны для исследования античной истории. Среди них есть подлинные «жемчужины» — такие, например, как «Стела основателей» из Кирены, «декрет Фемистокла» из Трезена, «Платейская клятва». В свое время мы посвятили им специальную статью (Суриков 2013а; затем вошла в: Суриков 2015б. С. 371–394), а чуть позже опубликовали в своем переводе довольно большую их подборку (Суриков 2014. С. 225–279). Этим переводом далее и будем пользоваться. Давать полный греческий текст самих надписей нет резона (в каждом случае присутствует ссылка на доступное издание), в оригинале будут приводиться, по мере необходимости, только терминологически важные места. Порядок документов в основном хронологический — насколько это возможно, ибо далеко не все они поддаются датировке с точностью до года, а некоторые вообще могут быть датированы только в пределах века.

* * *

«Декрет Фемистокла» (ML.23). Место находки (editio princeps: Jameson 1960) — Трезен, городок на северо-востоке Пелопоннеса, считавшийся как бы «городом-побратимом» Афин: согласно легендарно-исторической традиции, именно в Трезене родился главный афинский мифологический герой, «афинянин по преимуществу», — Тесей. Сама надпись датируется IV в. до н.э., однако в ней воспроизводится тот самый знаменитый декрет, который был принят в Афинах по инициативе Фемистокла в 480 г. до н.э., в годину нашествия Ксеркса на Элладу. Насколько текст надписи соотносится с текстом реального декрета — по этому вопросу в науке велась острейшая дискуссия (возможно, составители надписи контаминировали несколько декретов, последовательно принятых

---

⁴ В этом аспекте древнегреческие надписи тоже исследовались (Chaniotis 1988), но нас сейчас интересует не он.

афинским народным собранием с подачи Фемистокла)⁵. В любом случае данный памятник, как бы его ни расценивать с точки зрения аутентичности, является одним из важнейших древнегреческих эпиграфических текстов исторического содержания.

В 481 г. на Коринфском конгрессе был создан т.н. Эллинский союз для отражения ожидаемой персидской агрессии (Kienast 2003). Значение этого объединения в древнегреческой истории весьма велико, а между тем по количеству членов он был немногочислен: в него входило всего 31 государство. Только эти полисы из сотен, расположенных в Греции, были твердо настроены на борьбу с врагом.

Во главе коалиции стояла Спарта, второе по значению место в нем занимали Афины, ввиду своего мощного флота. Влиятельными членами считались также Коринф, Эгина. Как был устроен союз с институциональной стороны, известно плохо. Обычно считают — и, видимо, резонно, — что он функционировал по образцу возникшего гораздо раньше Пелопоннесского союза. Сзывались конгрессы его членов, на которые те посылали своих представителей; решения конгрессов принимались во внимание, однако окончательное постановление по любому вопросу, обязательное для исполнения членами союзов, выносилось спартанской апеллой (народным собранием).

В «декрете Фемистокла» несомненная аллюзия на Эллинский союз содержится в следующих строках: «Всем же остальным афинянам и взрослым чужеземцам⁶ взойти на двести снаряженных кораблей и сражаться с Варваром за свободу — свою собственную и других эллинов — вместе с лакедемонянами, коринфянами, эгинетами и прочими желающими сообща подвергнуться опасности». Названы, как видим, не все, а только важнейшие члены союза. Интересна также формулировка: «Всем же афинянам и чужеземцам, живущим в Афинах, отправить детей и жен в Трезен...». Таким образом, Трезен любезно согласился принять лиц, эвакуированных из города, который был обречен на взятие

---

⁵ Попытка объявить декрет полным фальсификатом, не имеющим никакой исторической ценности (Habicht 1961) не представляется перспективной.

⁶ Имеются в виду выходцы из других полисов, постоянно проживающие в Афинах, но не являющиеся их гражданами. Позже такие назывались метэками, но в 480 г. до н.э. статус метэка, похоже, еще не существовал (Watson 2010). В «декрете Фемистокла» метэки не упоминаются вообще, и, кстати, это, на наш взгляд, один из аргументов в пользу того, что документ не является позднейшей подделкой.

персами. Помощь, несомненно, осуществлялась на основе какого-то разового договора, поскольку нет никаких данных о том, чтобы между Афинами и Трезеном существовали отношения исополитии или тем более симполитии.

«Змеиная колонна» (ML. 27). Это еще один важнейший эпиграфический памятник с данными об Эллинском союзе. Колонну и по сей день можно увидеть в центре Стамбула, на месте бывшего императорского ипподрома. Но первоначально она была установлена в Дельфах — сразу после изгнания персов из Греции. Надпись на колонне (она имела форму трех переплетающихся змей, ныне головы змей утрачены) перечисляла все государства, входившие в состав союза).

«Следующие участвовали в войне: лакедемоняне, афиняне, коринфяне, тегейцы, сикионяне, эгинеты, мегаряне, эпидавряне, орхоменяне, флиунтцы, трезенцы, гермионяне, тиринфяне, платейцы, феспийцы, микеняне, кеосцы, мелосцы, теносцы, наксосцы, эретрийцы, халкидяне, стирейцы, элидяне, потидейцы, левкадяне, анакторийцы, кифносцы, сифносцы, амбракийцы, лепрейцы».

Некоторые изменения порядка перечисления членов союза по сравнению с традиционным связаны прежде всего с тем, что в Платейской битве, непосредственно предшествовавшей водружению колонны, очень отличились воины из пелопоннесской Тегеи. В целом, похоже, преследовался принцип расставить полисы в соответствии с их вкладом в победу, но нельзя сказать, что этот принцип был строго соблюден.

Надпись интересна также тем, что из нее предельно ясно видно, как обозначались греческие полисы в качестве субъектов международных отношений. Не «Афины», а «афиняне», не «Коринф», а «коринфяне» и т.п. Об этом несколько непривычном для нас обстоятельстве надлежит всегда помнить. И в нарративных источниках тоже мы никогда не прочтем, что воевали между собой, скажем, Милет и Самос — всегда милетяне и самосцы. Здесь, несомненно, отразился принцип, акцентируемый уже Фукидидом: полис — это «люди, а не стены».

Договор о союзе Афин и Эгесты (IG. I³. 11). От V в. до н.э. дошло (в различной степени сохранности) весьма значительное число межгосударственных договоров, в которых одной из сторон выступают Афины. Сейчас перед нами один из самых ранних документов такого рода. Город Эгеста (Сегеста) находился в северо-западной части Сицилии и был даже не греческим: жители его

принадлежали к племени элимов, на родство с которыми претендовали, кстати, римляне⁷.

«Дружба и союз (φιλία καὶ ξυμμαχία)⁸ афинян и эгестян. Совет и народ постановили. Представители филы [...] были пританами, [...] был секретарем, [...] был эпистатом, [...] он был архонтом, Архедем внес предложение... то же самое... Народу следует немедленно избрать десять человек, которые, прибыв в Эгесту, примут клятву. Что же касается... жертвоприношений, сколько... давать клятву. Чтобы все поклялись, пусть стратеги позаботятся объявить... с лицами, уполномоченными для принятия клятвы, как... эгестянина. Это постановление и текст клятвы секретарю Совета записать на каменной стеле для установки в городе. Полеты должны заключить контракт на проведение работ, а колакреты — оплатить их. Пригласить посольство эгестян на угощение в пританей в назначенное время. Эвфем внес предложение: в остальном согласен с Советом, но, кроме того, когда придут послы от эгестян, пусть глашатай введет... Послы эгестян, давшие клятву...».

Договор, как видим, сохранился со значительными лакунами, многие из которых не поддаются восстановлению. Неизвестны ни название филы пританов, ни имена секретаря и эпистата (председательствующего в экклесии). От имени архонта-эпонима сохранились лишь последние две буквы (-он), но именно это в совокупности с эпиграфическими критериями дает основание для датировки надписи. Возможны два варианта реконструкции имени архонта: Габрон или Аристон; соответственно, она должна быть отнесена к 458/457 или 454/453 г. до н.э. Нам представляется более вероятной вторая из этих датировок. Как бы то ни было, договор Афин с Эгестой является самым ранним свидетельством о попытках афинского проникновения в Западное Средиземноморье, и в этом главное значение данного документа. Точку зрения Г. Маттингли, «передвигающего» целый ряд афинских надписей внешнеполитического характера из середины V в. до н.э. в эпоху Пелопоннесской войны⁹ и соответственно относящего данный договор к 418/417 г. до н.э., нельзя признать убедительной.

⁷ В связи с проблемой «Афины, Эгеста, Рим» см. нашу работу (Суриков 2000. С. 95–100). Там же обосновывается та датировка договора, которой мы придерживаемся.

⁸ Греческий текст здесь и далее приводим в привычном ионийском, а не в стародактическом написании.

⁹ Его многочисленные статьи разных лет, объединенные этой идеей, собраны в увесистом томе (Mattingly 1996).

Плохая сохранность договора не дает возможности полноценно судить о его условиях. Ясно лишь, что договор с Эгестой, подобно договорам с Регием и Леонтинами, заключенными позже, предусматривал симмахию — полномасштабный наступательный союз с формулировкой «иметь общих друзей и врагов». Интересно, что злополучная сицилийская экспедиция афинян 415–413 гг. до н.э. была инициирована именно посольством из Эгесты, прибывшим в Афины. Несомненно, эгестяне, призывая могущественный полис оказать им военную помощь, апеллировали именно к данному договору (пусть к тому моменту и довольно давнему).

Отметим еще одну принципиальную черту: институционально договор оформлен как постановление афинского народного собрания, с традиционной формулой ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ. Характерно также приглашение эгестян на почетный обед в пританей. Это была почеть, оказываемая, в числе некоторых других лиц, послам из других государств. С подобным обычаем сталкиваемся мы и во многих документах аналогичного рода.

Декрет афинского народного собрания об регулировании отношений с Халкидой (IG. I³. 40). Этот уникальный по степени сохранности, практически не имеющий лакун декрет о Халкиде (важном полисе на острове Эвбея) прекрасно иллюстрирует методы, применявшиеся Афинами в отношениях с полисами — союзниками по Архэ. Данное постановление было принято в 446 г. до н.э., после подавления восстания на Эвбее афинским войском под командованием Перикла. Строго говоря, декрет не является договором; в нем афинский демос фактически диктует свою волю усмирившей Халкиде, и диктует в ряде отношений довольно жестко, впрочем, принимая также и на себя определенные обязательства. Здесь мы находим набор типичных обязательств, которые афинский демос налагал на союзников по Архэ. В случае, если союзный полис чем-либо провинился перед Афинами (а перед нами именно такой случай), обязательства были особенно тяжелыми и унижительными, приводя к фактической потере автономии.

«Совет и народ постановили. Представители филы Антиокиды были пританами, Драконтид был эпистатом, Диогнет внес предложение. Совет и судьи афинян должны дать следующую клятву... (следует содержание клятвы. — *И. С.*). Посольство, прибывшее из Халкиды, должно вместе с уполномоченными для этого лицами принять клятву у афинян и переписать поклявшихся. Чтобы все поклялись, пусть позаботятся стратеги. Халкидяне должны дать

следующую клятву... (следует содержание клятвы. — *И. С.*). Поклясться должны все взрослые халкидяне; того же, кто не поклянется, лишит гражданских прав, конфисковать его имущество и посвятить десятину от него Зевсу Олимпийскому. Посольство афинян, прибывшее в Халкиду, должно вместе с уполномоченными для этого лицами из числа халкидян принять клятву и переписать поклявшихся халкидян... Народу следует немедленно избрать пять человек, которые, прибыв в Халкиду, примут клятву. По поводу же заложников ответить халкидянам¹⁰, что в данный момент афинянам угодно оставить в силе постановленное ранее; когда же им будет угодно, они, посоветовавшись, урегулируют этот вопрос, поскольку это будет сочтено полезным для афинян и халкидян...».

Обратим внимание на то, как часто речь заходит о клятвах (ὄρκος). К клятвам в древнегреческом праве, в том числе и межгосударственном, относились чрезвычайно серьезно¹¹. Это для нас сейчас сказать «клянусь честью» или нечто в подобном духе — значит вроде как бы просто пообещать. Потому-то в наше время и совершенно утрачено такое понятие, как формула клятвы. А вот в античности именно формула клятвы (или присяги, как ныне часто пишут) была принципиальна. Одним образом звучала клятва дикастов, вступающих в должность (Harris 2007), другим — клятва эфебов (Kellogg 2008). Ведь текст клятвы однозначно воспринимался как сакральный (см. к этому: Wout 2011). В связи с клятвами обратим внимание на такой нюанс в данном памятнике: если с афинской стороны клянутся лишь члены Совета Пятисот и судьи, то со стороны халкидян — все взрослое гражданское население. В этом тоже проявляется неравноправие сторон.

Афинский декрет об основании колонии Бреи (IG. I³. 46). Эта колония¹² была основана афинянами на северном побережье Эгейского моря во второй половине 440-х или начале 430-х гг. до н.э. Брея организовывалась как апойкия — колония традиционного типа, хотя вообще-то Афины в V в. до н.э. по большей части основывали клерухии, жители которых сохраняли афинское гражданство. Переселяясь же в апойкию, колонисты приобретали

¹⁰ Халкидяне просили афинские власти вернуть заложников, взятых у них в ходе подавления восстания. Афиняне отвечают холодным отказом.

¹¹ См. труд общего характера: Sommerstein, Bayliss 2013.

¹² Говоря о данной надписи, опираемся на выкладки в наших предыдущих работах о ней (Суриков 2012; Суриков 2015в). Там мы, в частности, критикуем несостоятельные конъектуры, предложенные в: Яйленко 1982. С. 155–167.

ее гражданство и теряли афинское. Таким образом, создавалось новое государство, которое, кстати, сразу же зачислялось в состав Афинской архэ на правах рядового члена.

Соответственно, к ней предъявлялись такие же требования, как и к другим союзным полисам. Вот что, например, читаем в одном месте надписи: «Присылать корову и паноплию на Великие Панафинеи, а на Дионисии — фалл». Перед нами интереснейший обычай, принятый в Архэ. Союзники Афин несли по отношению к полису-гегемону ряд институционально закрепленных обязательств, в том числе религиозного характера. В данном случае речь идет именно о последних. На два самых знаменитых афинских праздника — Великие Панафинеи и Великие Дионисии — союзники должны были присылать дары: на празднество в честь Афины — корову и паноплию (полный комплект гоплитского вооружения), а на дионисийское торжество, что интересно, фалл (разумеется, искусственный, гипертрофированного размера). Это все тоже своего рода дипломатические практики... Приведем еще следующую формулировку из декрета: «Если же кто-либо пойдет войной на землю колонистов, города¹³ должны помогать со всем усердием согласно договорам (κατὰ τὰς ξυγγράφας), которые были заключены при секретаре [...]те касательно городов во Фракии».

Афинский монетный декрет (IG. I³. 1453+). Без преувеличения колоссально историческое значение этого документа, который уникален еще и в том отношении, что его текст дошел до наших дней посредством не какой-то одной надписи, а целого ряда таковых, происходящих из разных частей эллинского мира и имеющих неодинаковую степень сохранности (причем количество этих фрагментов декрета от десятилетия к десятилетию продолжает умножаться). Достаточно фундаментальная работа о декрете, принадлежащая перу А.В. Стрелкова, лучшая на русском языке (Стрелков 1999), учитывает семь фрагментов. Из новейших находок, еще не фигурирующих в ней, фрагмент из Гамаксита в Троаде (Mattingly 1993) крайне малоинформативен; в нем упоминаются эллинотамии, но об этих магистратах Архэ и без того прекрасно известно.

Совсем иначе приходится отнестись к самому последнему по времени публикации фрагменту (Hatzopoulos 2013–2014). Он происходит из города Афитис на полуострове Халкидика; ранее изда-

---

¹³ Входящие в Афинскую архэ, в первую очередь — относившиеся к ее «фракийскому» округу, включавшему полисы Северной Эгеиды.

вался другой фрагмент из того же города, и теперь особенно интересно прочесть их вместе (два камня не имеют непосредственного соприкосновения, но второй фрагмент начинается буквально через строку после того, как кончается первый). Выявились настолько неожиданные сведения, относящиеся именно к дипломатическим практикам, что мы сочли необходимым немедленно откликнуться на них специальной статьей (Суриков 2017). Здесь пойдет речь именно о двух фрагментах из Афитиса, и только о них (полноценно рассмотреть Афинский монетный декрет в целом можно было бы только в монографическом формате, и ему, например, почти целиком посвящена книга: Figueira 1998).

«Если же кто-нибудь из других должностных лиц в городах, или из граждан, или иноземцев не будет поступать согласно постановленному, да будет он лишен гражданских прав, а имущество его да будет конфисковано, а десятина пусть отойдет богине. А если нет должностных лиц от афинян (ἄρχοντες Ἀθηναίων), ...то, что содержится в постановлении, должностные лица каждого города». Здесь речь идет о должностных лицах, которых афиняне посылали из числа своих граждан для контроля над полисами, входящими в Архэ. В литературе их часто называют «епископами», в действительности же они могли именоваться по-разному: не случайно здесь применен термин наиболее общего характера — ἄρχοντες. Аристотель для середины V в. до н.э. обозначает их количество как около 700 человек (Arist. Ath. pol. 24. 3), но нам эта цифра представляется завышенной. Не похоже, что они присутствовали во всех союзных городах — скорее только в тех, которые из Афин виделись как «проблемные». Собственно, из цитируемого документа эксплицитно следует, что имелись полисы без таковых должностных лиц.

«Народ же должен избрать глашатаев (κήρυκας), чтобы они возвести постановленное: одного — на Острова, одного — в Ионию, одного — на Геллеспонт, одного — в области во Фракии. Стратеги же пусть отправят их, письменно составив маршрут для каждого; если же они не сделают этого, пусть будут оштрафованы на десять тысяч драхм». Здесь упоминаются характернейшие представители древнегреческого дипломатического персонала — глашатаи (керики). Их никогда не следует отождествлять с послами (πρόσβεις); в отличие от последних, они не были уполномочены вести переговоры, а только нечто объявляли иному государству. Особенно часто — начало войны. Соответственно,

они прибывали в весьма враждебную обстановку, подвергались реальной опасности, и не случайно, что дипломатический иммунитет в древнегреческих межполисных отношениях особенно подчеркивался применительно к фигурам глашатаев (хотя случалось, конечно, что и их убивали). Здесь, впрочем, керрики совершенно с иной целью посылаются в четыре существовавших на момент составления надписи округа Афинской архэ: Островной, Ионийский, Геллеспонтский, Фракийский.

Наконец, воистину ключевым является следующее место: «Приводить же это в исполнение должен союз (τῆν συμμαχίαν), если те (должностные лица союзных полисов. — *И. С.*) не захотят это сделать сами». Оно имеет прямое отношение к датировке декрета, которая является дискуссионной. Согласно традиционной точке зрения (отразившейся, например, в издании *ML*), постановление было принято в первой половине 440-х гг. до н.э., во времена Перикла. Однако все чаще звучат голоса, призывающие его передатировать, отнести к периоду Пелопоннесской войны (Г. Маттингли, у нас — А.В. Стрелков).

Появление термина «союз» (симмахия) в корне меняет ситуацию! Ранее на этом месте восстанавливали «Приводить же это в исполнение должны афиняне», но теперь, как видим, оказалось, что это было ошибкой. Теперь можно убедиться, что весьма важная prerogativa вверяется Монетным декретом институту, обозначенному как «союз» (симмахия). А под последним, разумеется, не может иметься в виду ничто другое, кроме как Делосский союз (Первый Афинский морской союз, Афинская архэ). Но в период Пелопоннесской войны обозначение «симмахия» по отношению к этому объединению давно уже не употреблялось. Полисы, входившие в Архэ, воспринимались уже не как «союзники» (σύμμαχοι), а как подданные Афин: как «те, над которыми афиняне властвуют». Стало быть, новый фрагмент декрета делает практически невозможными любые поздние датировки.

Договор о союзе Афин и Регия (IG. I³. 53). «Боги. Послы из Регия, заключившие союз и клятвенное соглашение: Клеандр, сын Ксен[...], [...], сын [...]тина, Силен, сын Фока¹⁴... При архонте Апсевде и Совете, первым секретарем которого был Критиад. Со-

¹⁴ От большинства имен регийских послов дошли лишь обрывки. Полностью сохранилось имя лишь одного посла. По иронии судьбы, именно этот посол (Силен сын Фока) не смог вернуться на родину: он скончался в Афинах в ходе посольства и был там похоронен (сохранилась надгробная надпись).

вет и народ постановили. Представители филы Акамантиды были пританами, Харий был секретарем, Тимоксен был эпистатом, Каллий внес предложение¹⁵. Быть союзу (συμμαχίαν εἶναι) между афинянами и регийцами. Пусть афиняне дадут клятву, чтобы у них с регийцами все было честно, без обмана и открыто на вечные времена (ἐς αἰδίου)¹⁶. Клятва имеет следующий вид: мы будем регийцам верными, справедливыми, сильными и безвредными союзниками на вечные времена и поможем, если потребуется...». Дальнейший текст не сохранился.

Упомянутое в преамбуле имя архонта дает возможность точно датировать надпись 433/432 г. до н.э. Однако существует один крайне важный нюанс: сама преамбула выбита поверх выскобленного более раннего текста. Таким образом, дошедший до нас договор представляет собой обновление другого, заключенного ранее. Этот первый договор о союзе Афин и Регия должен относиться к 440-м или даже 450-м гг. до н.э., что выглядит вполне логично. Действительно, странно было бы, если бы Афины в 450-е гг., предпринимая попытки проникновения на Запад, заключили союз с захолустной Эгестой (см. выше) и при этом не обратили бы никакого внимания на Регий, занимавший выгодную стратегическую позицию и контролировавший Мессинский пролив.

Договор о союзе Афин и Леонтин (IG. I³. 54). «Боги. Послы из Леонтин, заключившие союз и клятвенное соглашение: Тименор, сын Агафокла, Сосид, сын Главкия, Гелон, сын Эксекеста. Секретарь Феотим, сын Тавриска. При архонте Апсевде и Совете, секретарем которого был Критиад. Совет и народ постановили. Представители филы Акамантиды были пританами, Харий был секретарем, Тимоксен был эпистатом, Каллий внес предложение. Быть союзу между афинянами и леонтинцами; дать и принять клятвы. Поклясться же афинянам в следующих словах: мы будем леонтинцами вечными союзниками без обмана и без вреда. Леонтинцам также поклясться: мы будем афинянам вечными союзниками без обмана и без вреда. О...». Дальнейший текст не сохранился.

Договор Афин с расположенными на востоке Сицилии Леонтинами был ратифицирован в тот же день, что и договор с Регием,

---

¹⁵ Инициатором договора был видный афинский политик и дипломат Каллий сын Каллиада (из рода Кериков). Его не следует путать с его тезкой и родственником — более знаменитым Каллием, сыном Гиппоника, заключившим мир с Персией в 449 г. до н.э.

¹⁶ Таким образом, перед нами образец «вечного» союза.

по инициативе того же Каллия и в целом представляет собой практически полную аналогию ему (с почти дословно повторяющимися формулировками), также являясь обновлением более раннего союза. Соответственно, к договору с Леонтинами относится все, что было сказано выше о договоре с Регием. Эти два документа являются яркой иллюстрацией того, как афиняне на протяжении периода Пентеконтаэтии («Пятидесятилетия» 480–431 гг. до н.э.), особенно в его второй половине, осуществляли дипломатическими средствами проникновение в Западное Средиземноморье, традиционно являвшееся сферой влияния и интересов их геополитического противника — Пелопоннесского союза.

Афинские декреты о Мефоне (IG. I³. 61). Это серия декретов, записанных на одной стеле в 423 г. до н.э., но принимавшихся народным собранием на протяжении нескольких лет, начиная с 430 г. до н.э. Иными словами, документы относятся к первому периоду Пелопоннесской войны. Речь в них идет о Мефоне — входившем в Афинскую архэ небольшом городке, расположенном в области Пиерии (Северная Греция), на побережье Фермейского залива, близ Македонии. Последним обстоятельством обуславливалось значение Мефоны для Афин: город служил для Архэ базой — плацдармом в регионе, контролировавшемся македонскими царями. Потерять столь нужный пункт (да еще в военное время, притом что позиция Македонии в конфликте была двойственной и колеблющейся) афиняне, конечно, не желали; важно было обеспечить лояльность его жителей. Потому-то в ответ на просьбу мефонян о привилегиях афинская эkkлeсия такие привилегии щедро предоставляет (поведение, вообще-то не слишком характерное для державного демоса). Из довольно объемного документа мы приведем лишь некоторые выдержки, имеющие отношение к дипломатическим практикам.

«Отправить к Пердикке трех послов в возрасте старше пятидесяти лет¹⁷, и заявить Пердикке, что признано справедливым разрешить мефонянам пользоваться морем и не позволять их в этом ограничивать; разрешить им прибывать в страну с торговыми целями, как и прежде, не совершая несправедливостей и не подвергаясь таковым; не проводить войско через страну мефонян против их желания; если же обе стороны придут к согласию, пусть об

---

¹⁷ К пожилым людям в античной Греции всегда относились с особым уважением, видя в них хранителей традиций.

этом договорятся послы, если же не придут — пусть обе стороны отправят на Дионисии посольство (πρεσβείαν), имеющее полномочия, к Совету и народу по вопросам, в которых у них разногласие. Также заявить Пердикке, что, если воины, что в Потидее, его одобряют, афиняне будут иметь о нем хорошее мнение». Здесь упоминается Пердикка II (правил ок. 450–413 гг. до н.э.) — македонский царь, на обиды которого жаловались мефоняне. Афины, пользуясь своим весом на межгосударственной арене, намереваются урегулировать конфликт дипломатическим путем. На момент принятия декрета еще шла осада афинянами Потидеи, находившейся на Халкидике, то есть тоже неподалеку от Македонии. Здесь Пердикке довольно высокомерно указывается, что он должен еще заслужить хорошее отношение афинских воинов, а через них — и афинского полиса в целом.

«Разрешить мефонянам вывозить из Византия хлеба до [...]»¹⁸ тысяч медимнов ежегодно. Пусть геллеспонтофилаки и сами не препятствуют им вывозить хлеб, и другим не позволяют препятствовать, иначе будут оштрафованы на десять тысяч драхм каждый. Записавшись у геллеспонтофилаков, мефоняне могут вывозить до указанного количества; и корабль, на котором они вывозят, пусть будет свободен от пошлин». Это место замечательно тем, что является единственным (Rubel 2001. P. 39) источником о существовании учрежденной афинянами коллегии геллеспонтофилаков (ἑλλησποντοφύλακες), «стражей Геллеспонта». Пролив, о котором идет речь, играл колоссальную роль во внешней политике не только Афин, но и всего греческого мира как в классическую эпоху, так и в предшествующую, архаическую¹⁹. Он был частью «хлебного пути» из Понта Эвксинского в Эгейду.

Как указывает П. Гарнси, виднейший специалист по проблеме снабжения античной Греции зерном (Garnsey 1989. P. 122–133), мы не знаем, когда была введена магистратура геллеспонтофилаков (во всяком случае, они не упоминаются в документах ранее Пелопоннесской войны, и это может что-то означать, но может быть и чистой случайностью), не знаем также, в чем заключались их функции в мирное время (надпись относится к первому периоду Пелопоннесской войны, которая могла вызвать изменение, например, расширение полномочий коллегии). Гарнси считает, что,

¹⁸ Цифра не сохранилась.

¹⁹ В самом общем плане см.: Суриков 2013б.

возможно, регулярной прерогативой геллеспонтфилаков было взимание таможенных пошлин с зерна и всех других товаров, двигавшихся через Геллеспонт. На наш же взгляд, основной функцией данных магистратов была охрана Геллеспонта — в самом широком смысле, обеспечение его безопасности как зоны афинских интересов. Имеется в виду прежде всего, конечно, охрана от возможного проникновения вражеских судов. А контроль над вывозом хлеба, очевидно, являлся побочным элементом этой основной функции. Ведь понятие государственной безопасности включает в себя, помимо прочего, также и экономическую безопасность.

* * *

Те крайне важные греческие надписи, которые принято называть «историческими», можно было бы еще долго рассматривать в контексте тематики данной статьи. Однако лимит объема заставляет нас здесь остановиться, оставив, в частности, за рамками работы аналогичные памятники IV в. до н.э. — а они, как минимум, не менее информативны. Но уже и приведенного материала, думается, достаточно, чтобы продемонстрировать, как важны эпиграфические данные для изучения древнегреческих дипломатических практик.

ЛИТЕРАТУРА

- Кофанов Л.Л.* Ius gentium и международные суды античности // Древнее право. Ius antiquum. 2009. № 2 (24). С. 57–84.
- Стрелков А.В.* Афинский монетный декрет // Нумизматика и эпиграфика. М., 1999. Т. 16. С. 25–49.
- Суриков И.Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. Ч. 1 / Под ред. О. Л. Габелко. С. 95–112.
- Суриков И.Е.* Афинский декрет об основании колонии Бреи (IG. I³. 46): О некоторых спорных вопросах реконструкции и интерпретации // Вопросы эпиграфики. М., 2012. Вып. 6. С. 317–336.
- Суриков И.Е.* Древнегреческие надписи классической эпохи как памятники исторической мысли // Вопросы эпиграфики. М., 2013. Вып. 7. Ч. 1. С. 376–404. (а).
- Суриков И.Е.* «Геллеспонт бурнотечный» (Пролив между Эгеидой и Пропонтидой и его роль в античной истории) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4 (42). С. 3–44. (б).

- Суриков И.Е. Многоликая Клио: Антология античной исторической мысли. СПб., 2014. Т. 1: Возникновение исторической мысли и становление исторической науки в Древней Греции.
- Суриков И.Е. Таможенный закон Азии (перевод с древнегреческого, введение и комментарии) // Древнее право. *Ius antiquum*. 2015. № 1 (31). С. 242–277. (6).
- Суриков И.Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура (Opuscula selecta I). М., 2015. (6).
- Суриков И.Е. IG. P. 46. 3–6 в свете IG. P. 1629. 251–258: не апойкисты, а апостолеи? // Вопросы эпиграфики. М., 2015. Вып. 8. С. 55–68. (в).
- Суриков И.Е. Новый фрагмент Афинского монетного декрета из Афитиса (Халкидика) и его значение // Аристей. 2017. Т. 15. С. 35–54.
- Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э.: По данным эпиграфических источников. М., 1982.
- Ashburner W. NOMOS ΡΟΔΙΩΝ ΝΑΥΤΙΚΟΣ. The Rhodian Sea-Law. Oxford, 1909.
- Bengtson H. Die Staatsverträge des Altertums. München, 1975. Bd. II: Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr.
- Bolmarcich S. Interstate Relations, Colonization, and Empire among Greek Participatory Communities // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by D. Hammer. Oxford, 2015. P. 313–328.
- Champion C.B. Interstate Relations, Federal States, Colonization, and Empire during the Roman Republic // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by D. Hammer. Oxford, 2015. P. 329–345.
- Chaniotis A. Historie und Historiker in den griechischen Inschriften: Epigraphische Beiträge zur griechischen Historiographie. Stuttgart, 1988.
- Chaniotis A. Justifying Territorial Claims in Classical and Hellenistic Greece: The Beginnings of International Law // The Law and the Courts in Ancient Greece / Ed. by E.M. Harris, L. Rubinstein. L., 2004. P. 185–213.
- Cohen E. E. The Athenian Nation. Princeton, 2000.
- Figueira T. The Power of Money: Coinage and Politics in the Athenian Empire. Philadelphia, 1998.
- Gagarin M. Early Greek Law. Berkeley, 1986.
- Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis. Cambridge, 1989.
- Habicht C. Falsche Urkunden zur Geschichte Athens im Zeitalter der Perserkriege // Hermes. 1961. Bd. 89. Ht. 1. S. 1–35.
- Harris E.M. The Rule of Law in Athenian Democracy. Reflections on the Judicial Oath // *Etica & Politica*. 2007. Vol. 9. № 1. P. 55–74.
- Hatzopoulos M.B. The Athenian Standards Decree: The Aphytis Fragments // *Τεκμήρια* 2013–2014. Vol. 12. P. 235–269.
- Jameson M. H. A Decree of Themistocles from Troizen // *Hesperia*. 1960. Vol. 29. №.2. P. 198–223.

- Kellogg D.* Οὐκ ἐλάττω παραδώσω τὴν πατρίδα: The Epehebic Oath and the Oath of Plataia in Fourth-Century Athens // *Mouseion*. 2008. Vol. 8. №.3. P. 355–376.
- Kienast D.* Der Hellenenbund von 481 v. Chr. // *Chiron*. 2003. Bd. 23. S. 43–77.
- Mattingly H.B.* New Light on the Athenian Standards Decree (ATL II, D 14) // *Klio*. 1993. Bd. 75. S. 99–102.
- Mattingly H.B.* The Athenian Empire Restored. Ann Arbor, 1996.
- Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised edition. Oxford, 1989.
- Rhodes P.J., Osborne R.* Greek Historical Inscriptions, 404–323 BC. Oxford, 2007.
- Rubel A.* *Hellespontophylakes* — Zöllner am Bosphoros? Überlegungen zur Fiskalpolitik des attischen Seebundes (IG P 61) // *Klio*. 2001. Bd. 83. Ht. 1. S. 39–51.
- Russell T.* Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford, 2017.
- Samons L.J.* Empire of the Owl: Athenian Imperial Finance. Stuttgart, 2000.
- Sommerstein A.H., Bayliss A.J.* Oath and State in Ancient Greece. B., Boston, 2013.
- Tod M.H.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Vol. 1–2. Oxford, 1946–1948.
- Watson J.* The Origin of Metic Status at Athens // *The Cambridge Classical Journal*. 2010. Vol. 56. P. 259–278.
- Wout E. van 't.* From Oath-swearing to Entrenchment Clause: The Introduction of *Atimia*-Terminology in Legal Inscriptions // *Sacred Words: Orality, Literacy and Religion* / Ed. by A.P.M.H. Lardinois, J. Blok, M.G.M. van der Poel. Leiden; Boston, 2011. P. 143–160.

Igor E. Surikov

EVIDENCES ON DIPLOMATIC PRACTICES IN SOME IMPORTANT ANCIENT GREEK INSCRIPTIONS OF THE CLASSICAL PERIOD

The article demonstrates the significance of the so-called Greek historical inscriptions for studying diplomatic practices. A number of characteristic examples are given from epigraphic monuments dated from the 5th century B.C., mainly of Athenian provenance. Among them, there are treaties as well as decrees of the Athenian assembly, and they contain important evidence of the Classical period diplomacy.

By the Hellenistic time, Greek law, including international one, already had its own history. In the sphere of diplomatic practices, such institutions emerged quite early as *xenia* and *proxenia*, changes of embassies, interstate treaties, leagues of

various types, and so on. Those institutions are of course reflected in inscriptions. The most famous league of the period was the Delian League, which later developed into the Athenian Empire. Epigraphic data relating to this powerful organization are especially abundant. It is necessary to emphasize that relations between Athens and its allies should be treated exactly as external (that is diplomatic) and not internal ones, although not equal but with a dictate from one of the sides: the Athenian empire never became a united state.

As to concrete inscriptions, the “Decree of Themistocles” (the inscription is of the 4th century B.C., but it claims to reproduce the text of the famous Athenian decision initiated by the great statesman in 480 B.C.) gives information on the Hellenic League of 481 B.C. The “Serpent Column” of 479 B.C., erected in Delphi but now in Istanbul, cites all member states (31) of that league.

Several treaties between Athens and cities of Magna Graecia (Egesta, Rhegion, Leontinoi) are interesting in various aspects. First, they demonstrate Athens’ attempt to infiltrate into the sphere of geopolitical interests of the Peloponnesian League. Second, they have the form not of treaties as such but of assembly decrees. Third, they touch some details of diplomacy (importance of oaths, honorary dinner for envoys in the Prytaneion).

Documents on Athens’ relations with allied cities are also very informative. They differ very much by their tone: from a cold and dictating one (as in the case with Chalkis, which had rebelled against Athens’ domination but was defeated) to a much more sympathetic one (as in the cases of Methone, a loyal ally, or with the new colony Brea).

Of many historical consequences is a recently published new fragment of such a well-known document as the Athenian Standard Decree, which is cited and partly quoted in the article. The word *συμμαχία* (“alliance”, “league”) that now appears to have been used in the decree becomes a strong argument against its revisionist late dating by some scholars (H. Mattingly and others). If the decree had been published during the Peloponnesian war, it would have been highly unlikely to meet such a term in it. By the 420s B.C. cities of the Athenian Empire were perceived and treated already not as equal allies but as subjugated tributaries. So the traditional earlier date (the first half of the 440s B.C.) remains much more probable.

Inscriptions of similar interest are also abundant in the 4th century, but they could not be dealt with in the framework of this article.

Keywords: Ancient Greece, Classical period, Athens, Athenian Empire, diplomatic practices, inscriptions, treaties, decrees, oaths

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-103-121